JEL classification: N34, N44, N54
УДК 94(470.55/.58)«1917/1920 гг.»
DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(4).667-690

Л.Ф. Сайфуллина
Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

Трансформация крестьянского хозяйства в годы Гражданской войны: опыт микроисторического анализа села Нордовка (1917–1920 гг.)

Аннотация. На основе первичных материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг., сохранившихся в Национальном архиве Республики Башкортостан, анализируются социально-экономические изменения в крестьянском социуме в годы Гражданской войны. Исследование проведено в рамках микроисторического подхода на примере крупного русского села Нордовка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, отличавшегося высоким уровнем развития агрокультуры. На основе подворных карточек установлено, что в период между 1917 и 1920 гг. на фоне роста числа крестьянских хозяйств происходила демографическая убыль населения, вызванная военными действиями. Зафиксировано резкое сокращение посевных площадей и поголовья продуктивного скота. Снижение численности крупного и мелкого рогатого скота было обусловлено стремлением крестьян сохранить популяцию лошадей как главной тягловой силы. Группировка дворов по размеру посевов наглядно иллюстрирует процесс «осереднячивания» деревни, сопровождавшийся ликвидацией зажиточных хозяйств и вовлечением беспосевных семей в натуральное производство. Данная тенденция была обусловлена деструктивным влиянием экономической политики «военного коммунизма». Автор при-

© Сайфуллина Л.Ф., 2026

ходит к выводу, что процессы, выявленные на микроуровне одного села, отражали общие закономерности эволюции аграрной сферы РСФСР.

Ключевые слова. Всероссийская сельскохозяйственная перепись, Гражданская война, крестьянство, подворные карточки, Уфимская губерния, Южный Урал.

Информация о статье. Дата поступления 1 сентября 2026 г.; дата принятия к печати 13 ноября 2026 г.; дата онлайн-размещения 26 ноября 2026 г.

L.F. Sayfullina
Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, the Russian Federation

Transformation of Peasant Farming During the Russian Civil War: A Microhistorical Analysis of the Village of Nordovka (1917–1920)

Abstract. Drawing on primary records from the All-Russian Agricultural Censuses of 1917 and 1920, preserved in the National Archives of the Republic of Bashkortostan, the article examines socio-economic changes in peasant communities during the Russian Civil War. The study adopts a microhistorical approach, focusing on Nordovka, a large Russian village in Sterlitamak Uyezd of Ufa Governorate, which was characterized by a relatively high level of agricultural development. An analysis of individual household census records reveals that between 1917 and 1920, the number of peasant households increased, while the population declined as a result of military operations. A sharp reduction in cultivated areas and livestock numbers was also recorded. The decline in cattle and small ruminant populations was largely attributable to peasants' efforts to preserve their horses as the principal source of draught power. The classification of households by the size of their sown areas clearly demonstrates a process of increasing predominance of middle-income peasant households, accompanied by the disappearance of prosperous farms and the incorporation of landless or non-sowing households into subsistence pro-

duction. This trend was driven by the destructive effects of the economic policies of War Communism. The author concludes that the processes identified at the microhistorical level of a single village reflected broader patterns of transformation in the agricultural sector of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR).

Keywords. All-Russian Agricultural Census, Russian Civil War, peasantry, individual household census records, Ufa Governorate, Southern Urals.

Article info. Received September 1, 2026; accepted November 13, 2026; available online November 26, 2026.

Введение

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война привели к глубочайшему кризису, сказавшемуся на всех сферах (политической, экономической, социальной) государства. Он отразился и на преобладающем социальном слое того времени — крестьянстве, коренным образом изменив его экономическое положение и социальное устройство.

Необходимо отметить, что ухудшение экономического благосостояния крестьян началось еще со вступления Российской империи в Первую мировую войну. Массовые мобилизации вызывали дефицит мужских рабочих рук в сельском хозяйстве, особенно остро ощущавшийся в периоды посева и уборки урожая. Реквизиция лошадей рабочего возраста в комплексе с другими факторами вела к сокращению площадей полевых посевов. Дальнейшие события (революции и Гражданская война), сопровождавшиеся боевыми действиями на большей части территории страны и политикой «военного коммунизма» (запрет частной торговли, продразверстка и пр.), за короткий срок полностью изменили условия и принципы существования крестьянства.

В 1917 г., до начала основных боевых действий в стране, по инициативе Временного правительства была проведена Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись. Через три тяжелых года

продолжавшихся вооруженных столкновений, после утверждения советской власти на основной части территории Европейской России, в 1920 г. была осуществлена первая советская сельскохозяйственная перепись. Проведенная до начала массового голода в России (1921–1923 гг.), она позволяет оценить масштаб упадка в государстве, напрямую связанного с боевыми действиями и политикой ранней советской власти.

Сводные сведения о численности населения, состоянии земледелия и скотоводства за каждый период обследования содержатся в опубликованных итогах переписей[1]. Однако за данный промежуток времени неоднократно изменялись административные границы как регионов, так и всего государства. Кроме того, при проведении статистического обследования 1920 г. информация не собиралась в районах с продолжавшимися военными действиями (Дальний Восток, Северный Кавказ, Белоруссия и пр.), а также на территориях, охваченных народными волнениями (юго-восток Автономной Советской Башкирской Республики, некоторые уезды Тамбовской губернии и др.). В связи с этим перепись охватила лишь 72 % населения страны [1, с. 242].

При анализе опубликованных итогов переписей заметен общий кризис в государстве, затронувший и сельскохозяйственный сектор, однако практически не прослеживаются процессы, происходившие внутри социума за годы Гражданской войны, а также особенности трансформации экономики села в период общенационального кризиса. Детально изучить происходившие деформации в крестьянской среде кон-

[1] Всероссийская сельскохозяйственная и земельная перепись 1917 г.: итоги по Губернии. Тула : Губисполком, 1925. 99 с.; Итоги Всероссийских переписей 1920 г. по Уфимской губернии. Уфа : Тип. губсовнархоза, 1921. 95 с.; Материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. по территории Адыгейской автономной области. Краснодар : Адыгейский областной статистический отдел, 1927. 52 с.; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской и Азиатской России // Труды ЦСУ РСФСР. М., 1921. Т. I, вып. 2. 22 с. и пр.

кретного региона, местности или поселения позволяют сохранившиеся коллекции первичных источников переписей 1917 и 1920 гг. — подворные карточки.

Коллекции источников данного вида сохранились не во всех архивах страны (например, они представлены в Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ), Государственном архиве Брянской области (ГАБО), Государственном архиве Тверской области (ГАТО), Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) и др.). Тем не менее благодаря своему высокому информационному потенциалу и содержательности они выступают в качестве одного из важнейших источников изучения крестьянства рассматриваемого периода.

Подворные карточки переписей 1917 и 1920 гг. составлялись отдельно на каждый крестьянский двор и по большей части имели общую структуру и содержание. Они состояли из одного листа с вопросами для заполнения с обеих сторон. В бланках отмечались: губерния, уезд, волость, сельское общество, фамилия, имя и отчество хозяина двора, его национальность. Записывались мужчины и женщины, проживающие в хозяйстве, их отношение к главе семейства, возраст, грамотность, вид занятий и профессия. Фиксировались число лошадей, коров, свиней, коз, овец и пр., отмечался их возраст. Заносились данные о наличии и площадях посевов полевых культур (пшеницы, ржи, ячменя, овса и пр.). Вносились данные о торгово-промышленных заведениях в хозяйстве (мельницы, обдирки, бакалейные лавки и пр.). Отдельно отмечался имевшийся в хозяйстве сельскохозяйственный (молотилки, зерноочистители, сеялки, орудия для обработки почвы) и транспортный инвентарь (телеги, сани).

Отличием от бланков переписи 1917 г. было отсутствие в подворных карточках 1920 г. вопросов о сословии главы семьи. Также не было вопросов об аренде и сдаче земель (карточки ограничивались информаци-

ей о числе наделов, площадях посева, пара, залежи и недосева). Появились, однако, новые пункты для заполнения, касавшиеся огородных культур, плодовых садов, виноградников, посевов свеклы, пчеловодства и птицеводства. Таким образом, из бланков переписи 1920 г. исключили вопросы, ставшие неактуальными в новом устройстве страны в связи с тяжелым экономическим положением и проводимой политикой «военного коммунизма», но добавили более детальный учет всех остальных отраслей крестьянского хозяйства.

В целом первичные источники двух рассматриваемых переписей позволяют не только проследить изменения в численности населения определенного населенного пункта, местности, но и увидеть трансформацию хозяйственного уклада крестьян на уровне отдельного двора, проследить динамику состояния земледелия и животноводства в условиях глубокого общенационального кризиса.

Подворные карточки переписей 1917 и 1920 гг. не раз становились объектом исследования в регионах России. Так, научные изыскания на основе переписных бланков Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по территории Алтайского края выполняли В.Н. Разгон, Д.Н. Белянин, А.В. Разгон [2; 3], по Республике Бурятия — Н. В. Тумурхонова [4; 5], по Республике Башкортостан — М.И. Роднов [6; 7]. Исследование сохранившихся коллекций источников сельскохозяйственной переписи 1920 г. по территории современной Республики Башкортостан проводили М.И. Роднов (Уфимская губерния) [8; 9] и Л.Ф. Сайфуллина (Малая Башкирия) [10; 11, с. 123–127; 12, с. 132–138].

Для детального рассмотрения экономических и социальных изменений, произошедших в крестьянской среде в промежуток между сельскохозяйственными переписями 1917 и 1920 гг., в качестве объекта изучения было выбрано население Нордовки Стерлитамакского уезда Уфимской губернии — типичного русского села Южно-

го Урала с развитой земледельческой культурой, демонстрировавшего в начале XX в. динамичное развитие.

Целью работы является определение на основе информационного потенциала подворных карточек сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. социальных и экономических изменений в крестьянской среде в период активных боевых действий на Южном Урале и проведения политики властей в годы Гражданской войны. В связи с этим были поставлены следующие задачи: 1) подсчитать численность населения и количество крестьянских дворов (хозяйств) в границах одного населенного пункта в 1917 и 1920 гг.; 2) определить размеры засеваемых площадей, численность домашнего скота и особенности динамики их развития; 3) распределить земледельческие хозяйства 1917 г. по посевным группам и проследить последующие изменения в каждой из них к 1920 г.

Территориальные рамки исследования ограничены селом Нордовка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Хронологические рамки охватывают 1917 и 1920 гг. как периоды непосредственного проведения переписей.

Методологическую основу работы составили сравнительно-исторический, статистический, проблемно-хронологический методы, а также метод системного анализа.

При разделении крестьянских хозяйств на экономические группы мы опирались на опыт и методы, принятые в земской статистике Российской империи, где важнейшим показателем положения крестьянства выступали размеры площадей полевых посевов. Параметры деления на посевные группы взяты как из опыта земской статистики, так и из научных работ М.И. Роднова, обработавшего подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по территории Уфимской губернии [6; 7]. В рамках данной группировки отдельно выделяются: беспосевные дворы; хозяйства с

посевом до 4 дес. (преимущественно с натуральной формой ведения хозяйства); от 4 до 10 дес. (семьи, производящие небольшой излишек хлеба); свыше 10 дес. — многопосевные дворы, уклад которых принимал товарный характер (при этом посевы свыше 15 дес. подразумевали преобладание наемного труда над семейным).

В советскую эпоху группировки крестьянства в зависимости от площадей засеваемых земель были соотнесены с социальными слоями населения. Согласно этой классификации, «бедняцкими» стали считаться хозяйства с посевами до 4 дес., «середняцкими» — от 4 до 10 дес., а «кулацкими» (то есть зажиточным слоем) — дворы, имевшие более 10 дес. полевых посевов [13, с. 91].

Изменение численности населения

Село Нордовка (п. Мустафинский, Ново-Федоровка) располагалось на правом берегу р. Ашкадар, на плодородных черноземных почвах лесостепной зоны Южного Урала с умеренно-континентальным климатом, с теплым летом и холодной зимой, что формировало сезонность в хозяйственной жизни и создавало условия для интенсивного развития земледелия и скотоводства. В административном плане Нордовка относилась к Бала-Четырмановской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, которая с ноября 1920 г. вошла в состав Нордовской волости Стерлитамакского кантона Малой Башкирии.

Населенный пункт был основан в 1886 г. и состоял преимущественно из русских крестьян-переселенцев Тамбовской губернии, купивших эти земли у местных башкир [14, с. 71]. Согласно списку населенных мест, уже к 1896 г. в Нордовке насчитывалось 154 двора с населением 1 071 чел. (549 — мужского и 522 — женского пола)[2]. Вплоть до начала Гражданской во-

[2] Полный список населенных мест Уфимской губернии. Издание Уфимского Губернского Статистического Комитета. Уфа : Типография Губ. Правления, 1896. С. 471.

йны население села активно росло. Так, по данным подворной переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии 1912–1913 гг. в селе насчитывалось 243 двора и 1 662 жителя (836 мужчин и 826 женщин). К 1917 г. Нордовка насчитывала уже 291 крестьянское хозяйство (260 — русских, 25 — украинских, 3 — мордовских, 2 — немецких и 1 башкирское), в которых проживало 2 097 чел. Таким образом, несмотря на события Первой мировой войны и массовую мобилизацию, в период с 1912–1913 по 1917 г. число дворов в исследуемом населенном пункте увеличилось на 19,8 % (с 243 до 291), а численность населения возросла на 26,2 % (с 1 662 до 2 097 чел.).

Ситуация коренным образом изменилась к 1920 г. Сохранившаяся коллекция подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. показывает, что, несмотря на продолжавшийся рост числа крестьянских хозяйств до 324 (на 11,3 %), численность населения Нордовки сократилась на 2 % — до 2 055 чел. (на 42 чел. меньше, чем в 1917 г.). Данная динамика напрямую объясняется событиями Гражданской войны, которые не обошли стороной изучаемую местность. Опубликованные воспоминания участников событий свидетельствуют о том, что летом 1918 г. в селе вспыхнуло антибольшевистское восстание, сопровождавшееся убийствами местных красноармейцев и членов их семей [15, с. 197–198]. Кроме этого, в 1919 г. через Нордовку проходило наступление частей Красной армии на Стерлитамак [16, с. 29].

Земледелие и животноводство

Земледелие являлось основной отраслью сельскохозяйственного производства крестьянских дворов Нордовки. Традиционно здесь высевали пшеницу, овес, просо, рожь; в значительно меньших объемах — коноплю, гречиху, горох, лен и ячмень.

Таблица 1

Численность крестьянских хозяйств и размеры посевных площадей с. Нордовка по данным переписей 1912–1913, 1917 и 1920 гг.

Годы	Количество дворов	Численность населения (чел.)	Полевые посевы (дес.)
1912–1913	243	1 662	3 355,66
1917	291	2 097	2 954,1
1920 г.	324	2 055	1 411,24

Составлена по: 1912–1913 гг. — Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 473; 1917 г. — НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4574–4575. Б.п. (подсчет автора); 1920 г. — НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 838. Б.п. (подсчет автора).

Если по данным подворной переписи 1912–1913 гг. общая площадь полевых посевов селян составляла 3 355,66 дес., то к 1917 г. этот показатель снизился до 2 954,1 дес. (табл. 1). Таким образом, падение составило 12 % (в абсолютном выражении — на 401,56 дес.). Данное сокращение, произошедшее вопреки росту числа крестьянских хозяйств и численности населения, объясняется двумя основными факторами. Во-первых, подворная перепись крестьянских хозяйств Уфимской губернии проводилась в течение двух лет (1912–1913 гг.), при этом сбор сведений по Стерлитамакскому уезду пришелся на 1913 г., отличавшийся рекордной для Российской империи урожайностью зерновых культур [17, с. 128]. Во-вторых, последующий период совпал с участием России в Первой мировой войне, дестабилизировавшей экономику государства и подорвавшей производительные силы крестьянства.

Ближе к окончанию Гражданской войны отрицательная динамика размеров засеваемых площадей существенно усилилась. По данным первичных источников Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г., площади полевых посевов изучаемого села составляли всего 1 411,24 дес. Это свидетельствовало

о катастрофическом сокращении посевного клина по отношению к показателям 1917 г. — на 52,2 % (уменьшение на 1 542,86 дес.), то есть более чем в два раза.

Данное резкое падение площадей засеваемых земель в промежуток между 1917 и 1920 гг. было связано не только с военными действиями, но и в значительной степени являлось результатом экономической политики новой советской власти. Введение государственной монополии на продажу хлеба, а также изъятие его «излишков» в ходе продразверстки приводили к экономической бессмысленности увеличения объемов сельскохозяйственного производства в отдельно взятых хозяйствах.

Кроме того, после Октябрьской революции 1917 г. в абсолютном большинстве крестьянских обществ произошло перераспределение земельного фонда. Если ранее большая часть посевных площадей сельского общества Нордовки принадлежала товариществу собственников и делилась пропорционально вкладу каждого двора при покупке земель, то позже посевные земли начали распределяться по «числу едоков». Анализ подворных карточек 1920 г. позволяет предположить, что в год переписи в селе произошел очередной уравнительный передел (в распределенных наделах учитывались даже младенцы до года). Это автоматически лишило зажиточных крестьян, ранее владевших крупными участками купчих земель, возможности засевать прежние большие площади.

Следует также учитывать деструктивное влияние принятого в феврале 1918 г. Декрета «О социализации земли», который наложил строгий запрет на аренду земли и наем рабочей силы [18, с. 48]. До революции многодетность, крепкая половозрастная структура семей и традиционно высокий уровень агрокультуры русских переселенцев Нордовки обуславливали необходимость дополнительной аренды посевных площадей у соседних многоземельных башкирских общин, а

также привлечения сторонней рабочей силы. Так, по данным подворных карточек сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Нордовке наемный труд использовали 97 хозяйств (33 % от общего числа дворов). В них были заняты: 33 «годовых» (нанятых на год), 16 «срочковых» (на определенный срок), 1 «сдельный» и 77 «поденных» работников. После 1918 г. обе эти практики оказались под запретом и в исследуемом селе фиксировались лишь в единичных, латентных случаях.

Животноводство русского крестьянства как исследуемого региона в целом, так и данного села традиционно было направлено на обеспечение земледельческого хозяйства тягловой силой, а также на снабжение семьи мясными и молочными продуктами. Согласно общим данным переписей 1917 и 1920 гг., а также трудам исследователей [19, с. 459–462; 20, с. 283–289], в период Гражданской войны на всей территории страны наблюдался спад в животноводческом секторе. На основе сохранившейся коллекции переписных бланков можно сделать вывод, что в границах рассматриваемого села этот упадок носил глубокий характер.

Таблица 2

Состояние животноводства с. Нордовка по данным переписей 1912–1913, 1917 и 1920 гг.

Годы	Число лошадей		Поголовье крупного рогатого скота	Поголовье овец	Поголовье свиней
	Общее число	Поголовье рабочего возраста			
1912–1913	777	661	953	2 671	160
1917	851	666	1 368	3 415	542
1920	649	485	512	1 615	310

Составлена по: 1912–1913 гг. — Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 468–473; 1917 г. — НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4574–4575. Б.п. (подсчет автора); 1920 г. — НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 838. Б.п. (подсчет автора).

Из данных табл. 2 видно, что если с 1912–1913 гг. численность всех видов домашнего скота в Нордовке исключительно возрастала, то в период между 1917 и 1920 гг. в селе фиксируется общее сокращение поголовья. Так, число лошадей снизилось на 23,7 % (на 202 головы), в том числе рабочего возраста — на 27,2 % (на 181 голову). Численность крупного рогатого скота упала на 62,6 % (на 856 голов), овец — на 52,7 % (на 1 800 голов), свиней — на 42 % (на 232 головы). В таблицу не были включены козы, так как их численность оставалась ничтожно малой: в 1912–1913 гг. в Нордовке насчитывалось всего две козы, в 1917 г. — одна, а к 1920 г. данный вид мелкорогатого скота в заполненных бланках переписи крестьянских хозяйств уже не фиксировался.

Вышеприведенные показатели в целом отражают общую ситуацию на Южном Урале. В период Гражданской войны и общегосударственного кризиса более высокие темпы сокращения поголовья крупного рогатого и мелкорогатого скота были обусловлены стремлением крестьян за их счет сохранить популяцию лошадей как главной тягловой силы в земледельческих хозяйствах [19, с. 460].

Социальные изменения

Глубокий кризис государственности и коренная смена политической и экономической конъюнктуры, безусловно, не только подорвали экономические основы крестьянского уклада, но и трансформировали внутреннюю структуру двора.

Применение метода группировки крестьянских хозяйств Нордовки по размеру засеваемых площадей позволило выявить, что к 1920 г. в деревне активно шел процесс «осереднячивания». Он выражался в одновременном сокращении доли беспосевных дворов и снижении численности групп зажиточного крестьянства (табл. 3). Крестьянские хозяйства, не имевшие посевов

Таблица 3

Группировка крестьянских хозяйств с. Нордовка по размеру посевной площади (1917, 1920 гг.)

Годы	Площади посевов (дес.)					
	Общее число дворов	Дворы без посева	Дворы с посевом до 4 дес.	Дворы с посевом 4–10 дес.	Дворы с посевом 10–15 дес.	Дворы с посевами свыше 15 дес.
1917	291	26	51	82	65	67
1920	324	5	136	174	9	–

Составлена по: 1917 г. — НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4574–4575. Б. п. (подсчет автора); 1920 г. — НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 838. Б. п. (подсчет автора).

в 1917 г., в условиях глубокого экономического кризиса военных лет и политики «военного коммунизма» (в частности, запрета частной торговли) столкнулись с серьезными трудностями при покупке продовольствия. Сложившаяся ситуация вынуждала их засевать хотя бы минимальные площади ключевыми продовольственными культурами для самообеспечения.

Важно учитывать, что значительный процент беспосевных хозяйств накануне революции не являлся «бедняцким» в строгом смысле этого слова. Зачастую это были семьи, в которых один или несколько членов имели неаграрные источники дохода: интеллигенция (учителя, почтовые служащие), ремесленники (столяры, кровельщики), владельцы торговых лавок или мелких промышленных заведений (мельниц, кузниц). Обладая стабильным заработком, такие дворы ранее не нуждались в ведении собственного полеводства, предпочитая покупать продукты питания. Однако разрушение рынка и денежной системы в годы Гражданской войны заставили и эту категорию сельских жителей включиться в сельскохозяйственное производство ради физического выживания.

Так, например, не имевшая собственных земель для полевых посевов семья учителя Тюпкина Василия

Тимофеевича в 1920 г. арендовали у башкир участок в 2 дес[3]. В прошлом владелец бакалейной лавки Тучков Михаил Трофимович, к 1920 г., в рамках проводимой политики советской власти оставшийся без основного вида деятельности, начал работать кровельщиком и засевать земли площадью 3,25 дес[4]. Ранее «беспосевной» двор столяра Кинаса Юлиана Яновича к 1920 г. обзавелся двумя лошадьми и засеял 2 дес. земли. Таким образом, доля крестьянских хозяйств не имевших посевов к 1920 г. уменьшилась с 8,9 % до 1,5 %.

В то же время увеличилась численность хозяйств группы крестьянских дворов, засевающих до 4 дес. («бедняки») от 17,5 % до 42 %. К 1920 г. в данную категорию вошли как бывшие крестьянские хозяйства, не имевшие посевов, так и «середняки», а также зажиточные в прошлом крестьяне. Например, в хозяйстве Учакина Якова Михайловича, в котором по данным подворной карточки сельскохозяйственной переписи 1917 г. не было ни рабочего скота, ни посевов, к 1920 г. появилась лошадь рабочего возраста и посевы площадью 3,60 дес. В то же время, у Кузнецова Михаила Федоровича при увеличении числа членов семьи (с 5 до 7 чел.) и сохранении не только количества лошадей рабочего возраста (2 головы), но и крупного рогатого скота (2 головы), полевые посевы с 1917 по 1920 г. сократились от 7,45 до 3,75 дес. Подобная ситуация произошла и в хозяйстве прежнего «кулака» Князева Ивана Ильича, у которого при росте семьи с 4 до 6 чел. и сохранении числа лошадей рабочего возраста (4 головы), полевые посевы сократились с 24,8 до 3,42 дес[5].

Не всегда переход из группы зажиточного крестьянства или «середняков» в категорию «бедняков» было вызвано внешними факторами. Встречались случаи, когда резкие изменения были обусловлены

[3] НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 838. Б. п.

[4] Там же.

[5] Там же.

отделением молодых семей и преклонным возрастом главы семейства. В хозяйстве 47-летнего Басова Андрея Кондратьевича из 11 членов большой крестьянской семьи, состоявшей из брата, снох, племянников, к 1920 г. осталось всего трое — сам хозяин, внучка 2 лет и сын, который на момент переписи был мобилизован и служил в Красной армии. Если в 1917 г. семья засевала 32,79 дес. земли, то в 1920 г. за неимением «рабочих рук» посевы двора сократились до 3,7 дес. Также в хозяйстве отмечено сокращение числа рабочих лошадей (с 2 до 1), крупного рогатого скота (с 8 до 1), овец (с 11 до 3) и свиней (с 2 до 1)[6].

Помимо расширения прослойки крестьянства, переходившего к натуральной форме хозяйства (исключительно для удовлетворения собственных потребностей), к 1920 г. начали преобладать и «середняки» (с посевами от 4 до 10 дес.), в хозяйствах которых оставался небольшой излишек хлеба. Количество дворов данной группы возросло с 28,2 % до 53,7 %, т.е., почти в два раза. Кроме того, ранее зажиточные крестьяне, которые имели не только купчие, но и арендованные участки, в период реализации экономики военного коммунизма, перешли в группу «середняков». Так, крепкое хозяйство Гладилина Федора Кузьмича в 1917 г. засевало 25,84 дес. земли. В его хозяйстве насчитывалось 5 лошадей рабочего возраста, 15 голов крупно рогатого скота, 36 голов овец и 8 свиней. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г., несмотря на увеличение состава семьи (от 5 до 11 чел., женитьбы сыновей и рождение внуков), в хозяйстве произошло как сокращение площадей полевых посевов до 6,7 дес. (более чем в 5 раз), так и уменьшение голов скота — лошадей до 3, крупного рогатого скота до 3, овец до 10 и свиней до 1 головы. Такая же ситуация сложилась и в хозяйстве Алябьева Федора Петровича, в котором в период между 1917 и

[6] НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 838. Б. п.

ISSN 2308-2488

1920 гг. наблюдалось сокращение площадей полевых посевов с 30,29 дес. до 7 дес., а также количества домашнего скота.

Зажиточное крестьянство («кулаки»), ранее составлявшее самую многочисленную группу и включавшее в себя 132 двора (45,4 % всех хозяйств Нордовки), к 1920 г. резко сократилось в численности и состояло всего из 9 хозяйств (2,7 %). При этом, согласно принятому ранжированию, данные дворы относились исключительно к группе, засевающих от 10 до 15 дес. (по данным подворных карточек 1920 г. засевали от 10 до 12,32 дес.) на двор. Наиболее зажиточные семьи, засевающие более 15 дес. земли и использующие наемную рабочую силу перестали существовать в рамках изучаемого населенного пункта. Все девять сохранившихся зажиточных хозяйств Нордовки обладали рядом схожих характеристик. Во-первых, по данным подворных карточек сельскохозяйственной переписи 1917 г. они и ранее относились к многопосевным хозяйствам, ориентированным на товарное производство. Во-вторых, состояли из больших неразделенных крестьянских семей (родители, сыновья, их жены, дети, внуки), наиболее экономически эффективных при земледельческих занятиях (общие ресурсы, совместный труд). В новых условиях 1920 г., после проведения уравнительного передела земли по едокам, эти хозяйства получали достаточно крупные наделы, а их большая численность обеспечивала высокие физические возможности для обработки почвы.

Одним из крестьянских дворов, имевших к 1920 г. наибольшие площади засеянных десятин земли (12,32 дес.), была семья 45-летнего Ягрицина Ильи Петровича. В переписном бланке 1917 г. хозяином данного подворья был обозначен 63-летний Ягрицин Петр Аканфеевич, который видимо позже передал «бразды правления» старшему сыну и при проведении статистического обследования 1920 г. был обозначен отцом

хозяина двора. В 1917 г. рассматриваемая семья состояла из трех поколений родственников — главы двора, его жены, сына, снохи и внуков, — насчитывая в общей сложности 12 человек. В собственности хозяйства находилось 9 лошадей (включая 7 рабочих), 9 голов крупного рогатого скота, 43 овцы и 4 свиньи. Члены семьи засевали 30,75 дес. на купчих и арендованных землях. Высевали яровую пшеницу (18 дес.), овес (7,5 дес.), озимую рожь (4 дес.), просо (1 дес.) и картофель (0,25 дес.).

По данным переписи 1920 г. в данном хозяйстве значилось уже 13 членов семьи (родился еще один внук). Обнаруживается сокращение домашнего скота, состоявшего на момент переписи из 6 лошадей (4 из них рабочего возраста), 5 голов крупного рогатого скота, 15 голов овец и 2 свиней. Полевые посевы в хозяйстве сократились в несколько раз и составили 12,32 дес. (7 дес. яровой пшеницы, 2,5 дес. овса, 1,6 дес. проса, 1,22 дес. картофеля). Несмотря на сокращение площадей полевых посевов, а также уменьшение голов домашнего скота, в новых экономических и политических реалиях, данное хозяйство оставалось одним из зажиточных в селе.

Заключение

Таким образом, масштабные потрясения в России, начавшиеся с Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и продолжившиеся революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной, были тесно связаны друг с другом. Они спровоцировали и усилили катастрофический системный кризис, который самым разрушительным образом отразился на аграрном секторе государства. Коренная трансформация политической и экономической конъюнктуры напрямую воздействовала на хозяйственный уклад деревни, радикально изменив характер социальной дифференциации крестьянских дворов, что полностью подтверждает анализ первичных материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.

Исследование, проведенное на примере крупного русского села Южного Урала с традиционно развитым земледелием и высоким удельным весом зажиточного населения, выявило не только демографическую убыль в период активных боевых действий, но и резкое сокращение площадей засеваемых земель, а также численности домашнего скота. Данные процессы были обусловлены преимущественно реализацией политики «военного коммунизма».

В период между 1917 и 1920 гг. произошли глубокие сдвиги в социальной структуре крестьянства. В условиях общего экономического коллапса сокращалась доля как беспосевных дворов, так и многопосевных зажиточных хозяйств. Группировка дворов Нордовки по размеру посевных площадей наглядно продемонстрировала выраженную тенденцию к «осереднячиванию» крестьянства в годы Гражданской войны. Все выявленные особенности и деструктивные процессы в крестьянском социуме исследуемого села к 1920 г. отражали общие закономерности развития аграрной сферы не только Южного Урала, но и других регионов РСФСР.

Список использованной литературы

1. Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (Опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения) / А.И. Гозулов. — Москва : ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. — 588 с.

2. Разгон В.Н. Грамотность сельского населения Алтайского округа в предреволюционный период (на материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / В.Н. Разгон, Д.Н. Белянин, А.В. Разгон. — DOI 10.13187/bg.2022.1.536. — EDN PFHXWN // Былые годы. — 2021. — № 16 (4). — С. 2053–2061.

3. Разгон В.Н. Аренда земли старожилами и переселенцами в Алтайском округе: сравнительный анализ (по данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / В.Н. Разгон, Д.Н. Белянин, А.В. Разгон. — DOI 10.13187/bg.2023.4.2136. — EDN SGESDP // Былые годы. — 2023. — № 18 (4). — С. 2136–2144.

4. Тумурхонова Н.В. Подворные карточки сельскохозяйственных переписей как исторический источник / Н.В. Тумурхонова. — EDN PDANZX // Российский экономический интернет-журнал. — 2009. — № 2. — С. 916–922.

5. Тумурхонова Н.В. Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. как демографический источник (на примере станицы Цакирской) / Н.В. Тумурхонова. — EDN UWSWMZ // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. — 2015. — № 2 (9). — С. 27–30.

6. Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. — Уфа : НУР-Полиграфиздат, 1997. — 192 с.

7. Роднов М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. — Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2002. — 68 с.

8. Роднов М.И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав / М.И. Роднов. — Москва : ИЭА РАН, 2009. — 121 с. — EDN QPQSGN.

9. Роднов М.И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года : справочник / М.И. Роднов. — Санкт-Петербург : Свое изд-во, 2014. — 178 с.

10. Сайфуллина Л.Ф. Проведение Всероссийской переписи населения 1920 г. в Малой Башкирии / Л.Ф. Сайфуллина. — DOI 10.37313/2658-4816-2025-7-3-25-36. — EDN XOOYRM // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. — 2025. — Т. 7, № 3 (27). — С. 25–36.

11. Тагирова Л.Ф. Рязановская волость Стерлитамакского уезда по сельскохозяйственной переписи 1920 г. / Л.Ф. Тагирова. — EDN EOOPDV // Личность в историческом измерении: новые источники и методологические подходы : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 28 окт. 2022 г. / отв. ред. И. И. Явнова. — Стерлитамак, 2022. — С. 123–127.

12. Тагирова Л.Ф. Хозяйство мордвы Малой Башкирии по подворным карточкам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. / Л.Ф. Тагирова. — EDN UGKTGI // Отечественная официальная статистика: прошлое, настоящее, будущее : Международ. науч. конф., Брянск, апр. 2023 г. — Москва, 2023. — С. 132–138.

13. Роднов М.И. Вариационная группировка крестьянских хозяйств Уфимской губернии (по данным переписи 1917 г.) / М.И. Роднов, О.И. Дудина // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии : сб. ст. — Уфа, 1988. — С. 45–56.

14. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий / А.З. Асфандияров. — Уфа : Китап, 2009. — 744 с.

15. Гражданская война в Башкирии. Воспоминания участников / под ред. П.А. Кузнецова. — Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1932. — 198 с.

16. Гафаров А.З. Башкирские войска на Стерлитамакском фронте 2-й половины 1918 — начала 1919 гг. / А.З. Гафаров. — DOI 10.22281/2413-9912-2021-05-02-23-33. — EDN RYNUHP // Вестник Брянского государственного университета. — 2021. — № 2. — С. 23–33.

17. Роднов М.И. Спор о цифре: численность башкирского народа во второй половине XIX — начале XX вв. / М.И. Роднов // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии : сб. ст. — Москва, 2006. — С. 122–161.

18. Ильиных В.А. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. в контексте решения аграрного вопроса в России / В.А. Ильиных. — DOI 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-43-60. — EDN NHRFUW // ЭКО. — 2023. — № 1 (583). — С. 43–60.

19. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932 гг.) / В.А. Лабузов. — Оренбург : ОРЛИТ-А, 2004. — 676 с.

20. Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы / В.А. Саблин. — Вологда : Древности Севера, 2023. — 488 с.

References

1. Gozulov A.I. *Population Censuses in the USSR and Capitalist Countries (A Historical and Methodological Analysis of Census Practices)*. Moscow, Central Directorate of National Economic Accounting of the USSR State Planning Committee Publ., 1936. 588 p.

2. Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V. Literacy of the Rural Population of the Altai District in the Pre-Revolutionary Period (Based on the Materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917). *Bylye gody*, 2021, no. 16 (4), pp. 2053–2061. (In Russian). EDN: PFHXWN. DOI: 10.13187/bg.2022.1.536.

3. Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V. Lease of Land by Old Timers and Migrants in the Altai Okrug: Comparative Analysis (Based on the Results of the 1917 All-Russian Agricultural Census). *Bylye gody*, 2023, no. 18 (4), pp. 2136–2144. (In Russian). EDN: SGESDP. DOI: 10.13187/bg.2023.4.2136.

4. Tumurkhonova N.V. Household Cards of Agricultural Censuses as a Historical Source. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian Economic Online Journal*, 2009, no. 2, pp. 916–922. (In Russian). EDN: PDANZX.

5. Tumurkhonova N.V. Primary Materials of All-Russian Agricultural Census of 1917 as a Demographic Source (on the Example of the Village Zakerski). *Vestnik Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*, 2015, no. 2, pp. 27–30. (In Russian). EDN: UWSWMZ.

6. Rodnov M.I. *The Peasantry of Ufa Uyezd According to the 1917 Census*. Ufa, NUR-Poligrafizdat Publ., 1997. 192 p.

7. Rodnov M.I. *The Peasantry of Zlatoust Uyezd According to the 1917 Census*. Ufa, DizainPoligrafServis Publ., 2002. 68 p.

8. Rodnov M.I. Peasantry of the Belebeyevsky District according to the 1920 Census: Ethnic Composition. Moscow, IEA RAS Publ., 2009. 121 p. EDN: QPQSGN.

9. Rodnov M.I. *The Population of Ufa Uyezd According to the 1920 Census*. Saint Petrsburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2014. 178 p.

10. Saifullina L.F. Conducting the All-Russian Population Census of 1920 in Malaya Bashkiria. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki = Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, 2025, vol. 7, no. 3, pp. 25–36. (In Russian). EDN: XOOYRM. DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-3-25-36.

11. Tagirova L.F. Ryazanovskaya Volost of Sterlitamaksky Uyezd According to the Agricultural Census of 1920 Year. In Yavnova I.I. (ed.). *The Individual in Historical Perspective: New Sources and Methodological Approaches. All-Russian Scientific and Practical Conference, Sterlitamak, October 28, 2022*. Sterlitamak, 2022, pp. 123–127. (In Russian). EDN: EOOPDV.

12. Tagirova L.F. The Economy of the Mordvins of Little Bashkiria by Household Cards All — Russian Agricultural Census of 1920. In *Russian Official Statistics: Past, Present, Future. International Scientific conference, Bryansk, April 2023*. Bryansk, 2023, pp. 132–138. (In Russian). EDN: UGKTGI.

13. Rodnov M.I., Dudina O.I. Statistical Grouping of Peasant Households in Ufa Governorate (Based on the 1917 Census). In: *Social and Ethnic Aspects of the History of Bashkiria*. Ufa, 1988, pp. 45–56. (In Russian).

14. Asfandiyarov A.Z. *The History of Villages in Bashkortostan and Adjacent Territories*. Ufa, Kitap Publ., 2009. 744 p.

15. Kuznetsov P.A. (ed.). *The Civil War in Bashkiria: Memoirs of Participants.* Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1932. 198 p.

16. Gafarov A.Z. Bashkir Troops on the Sterlitamak front 2nd Half 1918 to Beginning 1919. *Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2021, no. 2, pp. 23–33. (In Russian). EDN: RYNUHP. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-23-33.

17. Rodnov M.I. A Dispute over the Numbers: The Size of the Bashkir Population in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. In: *Ethnostatistical Trajectories of the Southern Urals: Population Settlement Dynamics in Bashkiria*. Moscow, 2006, pp. 122–161. (In Russian).

18. Ilinykh V.A. He RSFSR Land Code of 1922 in the Context of Solving the Agrarian Issue in Russia. *EKO = ECO*, 2023, no. 1, pp. 43–60. (In Russian). EDN: NHRFUW. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-43-60.

19. Labuzov V.A. *Agrarian Relations in the Southern Urals during the First Decades of Soviet Rule (1917–1932).* Orenburg, ORLIT-A Publ., 2004. 676 p.

20. Sablin V.A. *Peasant Farming in the European North of Russia from 1917 through the 1920s.* Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2023. 488 p.

Информация об авторе

Сайфуллина Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Российская Федерация, г. Уфа, пр-кт Октября, 71; e-mail: Sleila.83@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-5967-2694; SPIN-код: 3738-1319, AuthorID РИНЦ: 503223.

Author

Leyla F. Sayfullina – Ph.D. in History, Researcher of the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, the Russian Federation; e-mail: Sleila.83@mail.ru. https://orcid.org/0000-0001-5967-2694, SPIN-Code: 3738-1319, AuthorID RSCI: 503223.

Для цитирования

Сайфуллина Л.Ф. Трансформация крестьянского хозяйства в годы Гражданской войны: опыт микроисторического анализа села Нордовка (1917–1920 гг.) / Л.Ф. Сайфуллина. — DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(4).667-690. — EDN UIXAVV // Историко-экономические исследования. — 2026. — Т. 27, № 4. — С. 667–690.

For Citation

Sayfullina L.F. Transformation of Peasant Farming During the Russian Civil War: A Microhistorical Analysis of the Village of Nordovka (1917–1920). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2026, vol. 27, no. 4, pp. 667–690. (In Russian). EDN: UIXAVV. DOI: 10.17150/2308-2488.2026.27(4).667-690.